
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

И.А. ЧИХАРЕВ

МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

К становлению научного направления

Изучение мировой политической динамики стало оформляться в целостное направление научных разработок на рубеже 80–90-х годов XX в. Этому содействовали следующие факторы.

1. Разрушение биполярного мира, обеспечивавшее переход собственно к *мировой* политической динамике от относительно малосинхронизированных друг с другом динамик внутри «капиталистического» и «социалистического» лагерей.

2. Глубина перемен, сдвиги на всех уровнях международного взаимодействия: изменение статуса человека в политике, фрагментация наций-государств, транзиты на государственном уровне, разрывы и развороты в двусторонних отношениях, разломы в региональных подсистемах международных отношений, изменение полярности международной системы, интенсивное надстраивание над международным уровнем глобального уровня.

3. Драматизм и быстрота перемен этого периода, очевидность *динамики* в противоположность относительной статике периода «зрелой» биполярности.

4. Критическая значимость *политических* факторов в трансформациях, преобладание политических мотиваций над взаимозависимостью, экономической выгодой, социальной стабильностью.

Эти факторы действовали на фоне неподготовленности международно-политической науки к изучению изменений такого масштаба, скорости и глубины [Dark, 1998, p. 1]. Однако и политологическая динамика оказалась достаточно высокой: уже к середине 90-х годов практически не наблюдалось дефицита научных представлений в сфере изучения мировой политической динамики. Так Кеннет Дарк уже в 1996 г. констатировал, что изучение глобального изменения стало отдельной субдисциплиной в рамках академических исследований в мировой политике [Dark, 1998].

Становлению этого направления содействовали многие авторы, особенно учитывая, что оно оказалось наиболее трендовым в начале 90-х годов, однако некоторым исследователям принадлежит здесь особая роль.

Речь идет прежде всего о Джеймсе Розенау, которому еще на рубеже 80-х и 90-х годов удалось концептуализировать мировую политическую динамику, а в 90-х и в первой декаде 2000-х – существенно обогатить представления политологов и международников об этом феномене. Реферат основных работ этого автора, недавно ушедшего из жизни, включен в настоящий номер. Здесь же хотелось бы кратко остановиться на основных вехах в понимании мировой политической динамики, предложенном Розенау, и сопоставить его с сегодняшними реалиями.

В фундаментальной работе «Турбулентность в мировой политике: Теория изменений и преемственности» [Rosenau, 1990] он, во-первых, осуществляет дерзновенную попытку охватить всю мировую политику, т.е. представляет ее как целостный динамический объект. Во-вторых, он выделяет различные уровни («параметры») мировой политики (микропараметр – способности и ориентации индивидов, которые связывают их с макромиром глобальной политики; макропараметр – ограничения, связанные с распределением власти между сообществами в глобальной системе и внутри них; реляционный параметр, отражающий отношения власти и подчинения между индивидами на микроуровне и сообществами на макроуровне – [Rosenau, 1990, p. 10]). В-третьих, он анализирует ос-

новные движущие силы параметрического изменения мировой политики, выделяя пять основных.

1. Переход от индустриального уклада к постиндустриальному, динамика технологий, в особенности связанных с микроэлектронной революцией, которые сделали социальные, экономические и политические дистанции гораздо короче, движение идей, изображений, валют и информации гораздо быстрее и, соответственно, взаимозависимость людей, а также событий гораздо теснее.

2. Появление новых вопросов, таких, как загрязнение атмосферы, терроризм, наркоторговля, валютные кризисы, СПИД.

3. Снижение способности государств и правительств обеспечивать удовлетворительные решения основных вопросов политической повестки, отчасти потому, что новые вопросы выходят за рамки их юрисдикции, отчасти из-за существенного международного влияния, отчасти вследствие уменьшения лояльности граждан.

4. Децентрализация, увеличение когерентности и эффективности субсистем.

5. Расширение аналитических и иных способностей индивидов, увеличение сознательности их отношения к властям – «сегодняшний человек-с-улицы уже более не тот отстраненный, ограниченный и манипулируемый в отношении к мировым проблемам, каковыми были его предшественники» [Rosenau, 1990, p. 12–13].

Очевидно, что все эти факторы действуют и сегодня, образуя наблюдаемую картину «неотурбулентности». В чем принципиальная новизна современной динамики? Можно предложить несколько гипотез.

Вслед за переходом, упоминаемым Розенау в первом пункте, случился дальнейший качественный сдвиг, вызвавший революционные изменения в коммуникациях, в том числе политических – развитие глобальных сетевых технологий. Соответственно, произошли дальнейшие ускорение и интенсификация процессов, которые перечисляет Розенау.

От этого пункта сразу перейдем в заключительный – но не по значению, а по порядку – в пятый. Информированность индивидов о «мировых делах» выросла на порядок из-за проблематичности хранения закрытой информации в глобальных сетях, расширения возможностей формирования коалиций, а также мобилизации в сетях социальных.

При этом есть две альтернативы в трактовке значения этого сдвига для человеческих способностей. С одной стороны, индивид стал еще более сознательным и вовлеченным, получив более широкий доступ к информации, средствам ее поиска, хранения и обработки.

С другой стороны, с лавинообразным увеличением информации индивид превращается или в обитателя виртуального пространства, совершенно исключенного из политики, или в носителя бессистемного клипового мышления. Такое мышление, учитывая подавляющее влияние коммерческой продукции в глобальных информационных сетях, может стимулировать неуправляемое потребление, в том числе – в отношении государства, политического режима. Весьма распространенными его формами выступают также социальный и политический негативизм или внесистемность. Если носитель такого мышления все-таки выходит из виртуального пространства, модусом его поведения является «транссерфинг» реальности по аналогии с серфингом в Интернете, т.е. требование перманентных перемен, деструкция.

Справедливым может быть предположение, что манипуляция приобрела новые формы, новый инструментарий, новых субъектов, и с учетом выделенных выше возможных характеристик современного индивида на первый взгляд турбулентные процессы представляются управляемыми, рисуют картину «организованного хаоса».

Естественно, движущие силы, выделенные Розенау, уже более 20 лет осознаются и обуздываются субъектами политики на различных уровнях. Многие из этих движущих сил взяты под контроль, но не «в интересах всего человечества», а в рамках стратегий субъектов, которые наилучшим образом приспособились к этим обстоятельствам и способны сами генерировать драйверы мировой политической динамики. Она остается турбулентной, но сама турбулентность является более управляемой или предопределенной.

На сегодняшний день мировая политическая динамика – это направление исследований, изучающее изменения на различных уровнях мировой политики, взаимное влияние факторов, действующих на различных уровнях, движущие силы, темпоральные характеристики, вероятные траектории и возможные способы увеличения управляемости мировых политических процессов.

Ключевым понятием здесь является мировая политика, понимаемая как многоуровневый динамический объект или система, для которой характерны дифференцированная структура, высокая интенсивность процессов взаимодействия, тесное переплетение различных уровней [см.: Чихарев, 2005]. Динамика понимается не только как изменчивость (обычно в противоположность статике), но как взаимодействие движущих сил, которые приводят к изменениям. Естественно, изучение изменения как такового предполагает и рассмотрение движущих сил (эндогенных и экзогенных), но может оставаться и описательным. Таким образом, мировая политическая динамика отличается от любого иного рассмотрения политической изменчивости тем, что рассматривает изменения на каждом уровне мировой политики в тесной связи со сдвигами на других уровнях, т.е. в рамках целостной системы, и изучает движущие силы мирополитических изменений.

Специфика данного научного направления определяется не тривиальностью структурных параметров мировой политики как динамического объекта (отличие от международной системы), качественной новизной экзогенных (связанных с состоянием окружающей природной, техногенной, экономической и социальной среды) и эндогенных (политических акций, практик, стратегий и институтов) движущих сил. В отличие от международной системы мировая политика характеризуется значительной проницаемостью национально-государственного уровня со стороны других государств, а также негосударственных групп (и все в большей степени посредством индивидуального влияния), наличием уровней метарегионального, транснационального и глобального взаимодействий. Движущими экзогенными силами являются факторы влияния новых, прежде всего информационных, технологий, демографическое давление, финансово-экономическая кризисность. Эндогенными факторами оказываются новые формы политического участия и мобилизации, новые политические медиа и коммуникации, реализуемые государствами стратегии «мягкой» и «умной мощи». «Модельным» моментом мировой политической динамики представляется изменение политического режима в государстве (или в метарегионе – советский блок, Северная Африка и Ближний Восток) под влиянием транснациональных, международных, групповых и индивидуальных факторов, демографической ситуации (и ее

социопсихологического преломления в конфликте поколений), экономического кризиса и новых информационных технологий.

В данной статье, исходя из гипотезы, изложенной выше, я буду рассматривать мировую политическую динамику как все в большей степени управляемую с помощью современных интеллектуально-политических технологий, применяемых государствами. Поэтому анализ будет базироваться на макроуровне мировой политики, выделяя новые движущие силы мировой политической динамики.

Движущие силы мировой политической динамики: Проблемы концептуализации

В изучении динамики международно-политических процессов ключевыми являются вопросы о силе основных акторов. Соотношение сил, их сбалансированность (баланс сил) определяют стабильность или изменчивость системы международных отношений. Исследование силы в международной политике сопряжено с рядом методологических проблем: это проблемы концептуализации, оценки и измерения международно-политического потенциала различных акторов, противоречивость восприятия силовых возможностей отдельного государства и баланса сил в целом: «Сила не может быть протестирована; различные элементы силы обладают разной полезностью в различное время; отношение воспринятой силы к материальным ресурсам может быть неустойчивым; механика силы окружена неопределенностью; государства обладают различными темпами изменчивости и сравнительных преимуществ; восприятие места в иерархии престижа и военных возможностей может длительные периоды времени не совпадать; государства принимают на вооружение различные асимметричные стратегии для максимизации своих позиций и ослабления соперников; сигналы путаются среди элит, врагов и внутренней аудитории», – отмечает У. Уолфорт [Wohlforth, 1993, p. 59–137].

Ключевой методологической проблемой является динамический характер самого феномена силы. Вторая проблема, также фундаментальная и особо актуальная в условиях информатизации мировой политики, – соотнесение концептуального, перцептуального и реального значений силы. На международно-политическую динамику влияют в большей степени не столкновения реальных

сил, но сил воспринимаемых, баланс или дисбаланс «угроз». В методологическом плане это умножает проблемы измерения и оценки силы, добавляя требование учета особенностей восприятия баланса сил отдельными государствами и лидерами.

В исследованиях динамики мировой политики методологические проблемы измерения силы умножаются в геометрической прогрессии. Во-первых, возникает вопрос оценки и сопоставимости силовых ресурсов принципиально различных акторов, влияющих на мирополитическую динамику, наряду с государствами. Во-вторых, механическое столкновение сил государств как бильярдных шаров дополняется, по крайней мере – нормативно, потребностью координации усилий акторов с целью управления мировым развитием. В-третьих, мирополитические процессы значительно ускоряются, что означает появление качественно новых факторов силы.

Таким образом, в изучении современной мирополитической динамики актуальна задача, которая в физике формулируется так: «Зная движение тела, определить действующие на него силы». В политической науке для корректной постановки подобного рода задачи необходимо уточнение базовых понятий. Если использовать естественно-научную метафору, речь идет о концептуализации силы, массы, ускорения применительно к мирополитической динамике. Собственно понимание мирового политического и движения в мировой политике нуждаются в прояснении и соотнесении с определенной координатной сеткой.

Все обозначенные понятия в международно-политическом дискурсе достаточно тесно переплетаются. Мировая политика чаще всего трактуется как совокупная деятельность субъектов по приобретению, удержанию и использованию политической власти. Власть же, в свою очередь, имеет значение с точки зрения распределения общественных ценностей. Понятие власти, особенно в английском языке, очень тесно переплетается с понятием силы. Так, *power* одновременно означает и силу, и власть, и державу – обладателя силы. Представляется, что подход к решению обозначенной выше задачи связан с более строгим соотнесением этих понятий.

Кроме того, предложенная трактовка мировой политики не представляется адекватной сегодняшнему этапу ее развития. Скорее, она соответствует уолцианскому видению международной

политики, ограничивающему политическое на мировом уровне лишь взаимодействием по поводу власти, *politics*. Системность (структурность) мировой политики представляет собой не легитимное принятие общеобязательных решений, а лишь синергетический эффект действия «жестких» сил. Такого рода самоорганизация фактически исключает возможность управления мировым развитием, формулирования целерациональных управленческих курсов. По сути, именно дефицит управления глобальными процессами и распыление мировых ресурсов на властную игру с неположительной суммой – одна из системных причин мирового кризиса.

В мировой политической динамике к объективному изменению соотношения «жестких» сил подключаются новые драйверы – политические программы управления развитием, своего рода мирополитический *software*. Они создаются благодаря лидерству политических субъектов, которые свою «жесткую» мощь дополняют полезными для развития других субъектов опциями. Таким образом, сила субъекта в мировой политике определяется не соотношением его материальных возможностей с потенциалом других акторов, как у К. Уолца, а лидерским потенциалом субъекта, способностью служить образцом и поставлять «утилиты» другим участникам мирового политического процесса.

Такой подход не является новым для международных исследований и практики – концепт *soft power* Дж. Ная очевидно содержит важнейшие параметры мирополитического понимания силы. Однако этот концепт характеризует скорее аспект популяризации, харизматической легитимации мирового лидерства. Рациональная, интеллектуальная, а не только информационная легитимация ведущего мироуправленческого проекта – стратегическая задача сегодняшней международной политики США, других претендентов на лидерство и одновременно – императив глобального развития.

Система координат мирополитической динамики

Мировая политическая динамика не может исследоваться без хотя бы предварительной концептуализации движения, «перемены мест» в мировой политике. Исследования о месте того или иного государства в современных международных отношениях можно

разделить на несколько групп: 1) историко-описательные разработки, проводимые обычно учеными-страноведами, зачастую с использованием статистических данных, подбираемых, как правило, не систематически; 2) публицистические работы, имеющие целью показать «место» определенного государства в мире с использованием фрагментарных статистических данных, что компенсируется употреблением риторических фигур и ярких метафор; 3) отдельные статистические штудии, в которых для оценки положения государства используется комплексная система показателей. За каждым направлением стоит интеллектуальная традиция, которая обособывает обозначенные международно-политологические стили.

Необходимо уточнение понятий, используемых при целостной характеристике международно-политической системы. Изменилось бы научное содержание поиска, если бы мы рассматривали темы «Россия в системе международных отношений», «Геополитическое положение России», «Россия в современном миропорядке» или «Место России в мире»? Мы полагаем, что очень незначительно – исследователи бы все равно пользовались привычными им концептуальными моделями, доступными количественными показателями, удачно найденными образами и метафорами. Однако в каждом случае речь идет о принципиально различных исследовательских перспективах. Стоит оговориться, что речь не может идти о выделении привилегированной, «единственно верной» познавательной установки. Гораздо более продуктивной является линия, с одной стороны, на четкое различие этих подходов, а с другой – на их интеграцию, что будет способствовать уточнению современных представлений о мировой политической динамике.

Один из путей может быть реализован благодаря систематическому сравнительному описанию количественных показателей, характеризующих современные государства. Достоинства этого подхода сложно переоценить – он придает международным и сравнительным исследованиям четкость и приближает к стандарту строгого научного знания. Вместе с тем для него характерна систематичность, но не системность. Координаты (показатели и индексы) действительно подбираются упорядоченно и анализируются с помощью строгих математических методов. Но реконструируемая на основе этого подхода картина международных отношений отражает сумму количественных характеристик отдельных госу-

дарств, и синергетический эффект их взаимодействия остается непроясненным. Тем не менее именно этот эффект является основным предметом в исследованиях современной международной системы – его познание необходимо, в частности, для прогнозирования международных кризисов и управления ими.

Другой вариант – описание геополитического положения того или иного государства. В этом случае для того, чтобы очертить геополитические условия, использовался бы набор карт, отражающих географические контуры наиболее важных международных взаимодействий, – в сфере энергетики, вооружений, международной экономики, финансов и др. Здесь также встают проблемы соотношения и наложения различных «слоев» взаимодействия, характера связей между ними.

Если же «координаты» мы будем понимать как рамки международного порядка, то предметом нашего исследования станут характеристики международно-правовой среды, а также выявление иерархии. Однако в данном случае мы рискуем впасть в типичное для политологов заблуждение – проведение аналогии между внутригосударственным политическим порядком и международной координацией. Последняя принципиально отличается неустойчивостью и отсутствием основной позиции в иерархии – признанного и неоспоримого центра или «верхнего эшелона». О каком порядке в данном случае будет идти речь? О системе ООН или очередном «издании» нового американского порядка?

Можно выделить несколько взаимосвязанных групп переменных, которые характеризуют современную международно-политическую систему. Первая – это так называемая элементная база системы, т.е. описание неделимых целостных единиц, из которых система состоит. Вторая, и, наверное, ключевая – переменные, отражающие соотношение сил этих единиц. На основании оценки такого соотношения формируются суждения исследователей о полярности международной политики. С одной стороны, она также не отражает системного эффекта, описывая лишь соотношения, но не совокупное взаимодействие. С другой стороны, результатом действия сил является своего рода гравитационное поле международных отношений. Если известны основные полюса, можно сделать выводы о динамике международного взаимодействия. Так, достаточно уверенно предсказывается историческая не-

долговечность однополярности – системный эффект связан с коллективным сопротивлением гегемону и собственным перенапряжением, обусловленным невыполнимостью задачи контролировать весь мир.

Целый ряд проблем возникает при характеристике соотношения сил вследствие гетерогенности «элементной базы» системы международных отношений. Принципиальным в этом плане является вопрос, как соотносятся в силовом отношении государства и негосударственные акторы. Проблема здесь в принципиальном различии используемых этими субъектами ресурсов власти и влияния. Более того, традиционной статистики как комплекса показателей, относящихся к государству, а также методов интерпретации этих показателей попросту не существует для негосударственных акторов. Как соотносить возможности влияния террористической структуры и современного государства? Межправительственной организации и транснациональной корпорации (ТНК)? Вопросы являются не только описательно-теоретическими. Ответы на них позволяют сформировать возможности управления многообразными акторами или создания системы соуправления. На сегодняшний момент систематических ответов на этот вопрос международно-политическая наука не предлагает. Существующие варианты – постулирование вторичности негосударственных акторов и их зависимости от государств, их трактовка как «транснациональной среды мировой политики», описание двух независимо существующих систем – межгосударственной и «постмеждународной», совокупное рассмотрение государств и негосударственных акторов с использованием понятия политической сети, которому, однако, пока еще далеко от концептуальной четкости.

Еще одна проблема – соотношение веса и значимости различных показателей при определении международно-политического соотношения сил. Даже классический реалистский подход, основывающийся на анализе имеющихся в наличии вооружений и динамики военных расходов, оставляет массу нерешенных вопросов. Каково на сегодняшний момент значение ядерных сил, особенно с учетом того, что сегодня в этом отношении сохраняется фактическая биполярность (равенство потенциалов США и России)? Насколько принципиально информационно-технологическое превосходство военных сил в условиях существования асимметричных инструментов

силы (противоспутникового оружия, сетевой войны, террористических атак)?

Следующая группа вопросов касается того, какие показатели в наибольшей степени важны при оценке соотношения экономического потенциала. Абсолютные объемы валового внутреннего продукта (ВВП)? Динамика роста ВВП? Показатели на душу населения? Если оценивать экономические характеристики содержательно, что для нас важнее – инновационный или ресурсный потенциал? Еще более глубокие проблемы связаны с системным анализом новых измерений власти и влияния в мировой политике – мягкой силы и так называемой «*smart power*». На сегодняшний момент не существует систематических научных инструментов измерения и сравнения информационно-интеллектуального влияния современных государств. Представляется, что принципиальная неразрешимость вопросов подобного рода – сущностная черта современной международной системы, ключевым свойством которой оказывается полиструктурность или многомерность.

Однако если мы констатируем такого рода полиструктурность и наличие множества иерархий в современной международной системе, мы все-таки уходим от ответа на вопрос о системных свойствах современной международной политики, «теряем» системность.

Очередная группа переменных – коалиционное измерение современной международной системы. Здесь также современная международная наука уходит от однозначного ответа, говоря чаще всего о «вариабельной геометрии альянсов» и «сетевой дипломатии». Причины таких нестрогих ответов отчасти кроются в изложенных выше проблемах измерения международных силовых отношений. Коль скоро факторов и измерений силы множество, сложно представить себе всеобъемлющие альянсы, что и обосновывает в теории и на практике международное сотрудничество в одних областях и соперничество в других. Так, НАТО и ШОС рассматриваются как конкурирующие блоки, однако Китай и США неразрывно связаны в экономической сфере. При выявлении коалиций в рамках современной международной системы тематизируются не только количественные, но и качественные отличия. Так, демократический мир противопоставляется многополярному миру как построенный на принципиально иной, не конфронтационной,

но политико-правовой логике. Вместе с тем некоторые полюса многополярной модели могут быть вписаны в демократический мир, пройти отбор в «лигу демократий». Возможен и иной взгляд, при котором мы увидим именно в демократическом мире конфронтационный, наступательный альянс, а в многополярном мире – группу держав, склонных к международно-правовым, многосторонним подходам.

Последнее соображение подводит нас к еще одному измерению международной системы – рефлексивному пространству, отражению международного взаимодействия в пространстве восприятия мировым общественным мнением и различными группами международной общественности. Этот перенос значения параметров международного взаимодействия многократно и даже бесконечно умножает и без того многообразные сущности, с которыми приходится иметь дело в системном международном анализе. Например, одно дело – объективно скромный потенциал вооруженных сил Ирана или КНДР по сравнению с крупнейшими державами, но совсем другое – восприятие в мире исходящих от этих государств угроз.

Представляется, однако, что это измерение международно-политической системы, которое можно назвать рефлексивным, конструктивистским, информационным, может сыграть систематизирующую роль в современной международно-политической науке. Так, он может выступить общим знаменателем при сопоставлении государств и негосударственных акторов. При обсуждении всех различий в используемых ими ресурсах влияния решающим фактором становится то, какое количество сторонников, инвесторов, союзников может мобилизовать представляемый ими на мировом информационно-интеллектуальном рынке продукт. И здесь в равных условиях оказываются и сверхгосударства, и индивиды – лидеры мирового общественного мнения, и ТНК.

Рассмотрение этого измерения дает предварительный ответ на вопрос, какой же ресурс является ключевым при сопоставлении силовых возможностей субъектов международных отношений. Такковыми оказываются не физические силовые возможности или материальные резервы, а способность их мобилизовать с помощью так называемых форс-идей, привлекательных политических проектов, в которые могут быть инвестированы и военный потенциал, и

экономические активы, и человеческий капитал. Информационно-интеллектуальный или рефлексивный ресурс является ключевым при формировании коалиций и обеспечении их успеха.

В целях концептуальной ясности мы можем трактовать применительно к политической динамике массу как ресурсы, которые субъект может мобилизовать на мировой арене, а силу – как «умную власть», т.е. мобилизующий потенциал политического проекта.

Термин «*smart power*» в последние годы получил довольно широкое распространение в международно-политическом дискурсе – как в научно-экспертных, так и в политико-дипломатических кругах. Чаще всего он воспринимается как слоган обновленной внешней политики администрации Б. Обамы. Даже если проанализировать *smart power* только в этом качестве, можно лучше понять логику модифицирующейся внешнеполитической стратегии США. Однако его фактическое влияние на позиционирование США в современном мире, а также наличие сходных мотивов в интеллектуально-политических исканиях других крупных международных игроков – КНР, ЕС, России – позволяют говорить о фундаментальном значении этого концепта как отражения трансформации властных отношений в современной мировой политике [Столетов, 2009].

***Smart power* в мировой политической динамике**

Любой однозначный русскоязычный перевод изначально ограничивает смысл термина *smart power* и стоящих за ним мирополитических феноменов. Для американского понимания *smart power* более подходит вариант «разумная сила», т.е. стратегия мирополитического влияния, предусматривающая применение силы «с умом». Собственно, этот смысл (взвешенное сочетание *hard power* и *soft power*) и был заложен в основу концепта Дж. Наем, предложившим *smart power* в качестве перспективного принципа политики США после выборов нового президента [CSIS Commission on Smart Power, 2007].

Для Европейского союза, не столь богатого «жесткими» ресурсами влияния, актуальнее перевод «собранная, скоординированная» сила (такой перевод прилагательного *smart* лингвистически возможен). Единой Европе после принятия Договора о реформе именно этот смысл обретаемой целостности, кумуляции междуна-

родного влияния ЕС кажется наиболее перспективным [см., например: Rehn, 2008].

Китайской мирополитической стратегии более органична интерпретация «мудрая сила», отражающая сдержанность китайской дипломатии, конфуцианские корни стратегической культуры КНР, а также надежду на обретение социальной и международной гармонии путем реализации «научной концепции развития».

«Умная политика» в российском понимании, если следовать официальной расшифровке, – это, скорее, «трезвая, рациональная, адекватная политика» (освобождающаяся от мифов, стереотипов и идеологем, а также «разброда и шатаний» первого десятилетия «самостоятельной» внешней политики).

Для других государств, которых нельзя отнести к категории мировых держав, например небольших европейских политий, «умная сила» – это синоним эффективности как оптимального соотношения ограниченных ресурсов влияния и дипломатического успеха, а также инновационности, экологичности, энергоэффективности – «ловкая, талантливая политика». Примечательно, что в последнем случае, как и в российском, речь не идет о силе, а скорее о стратегии (политике) ее кумуляции.

То, что *smart power* выступает подобного рода «зонтичным» понятием для столь разных смыслов, и является причиной его возрастающей популярности. По сути, оно выступает синонимом «правильной, эффективной политики». В этом отношении *smart power* функционирует как весьма удобный политическим лидерам разных государств всеохватный (catch-all) лозунг. Не случайно, что Дж. Най с коллегами ввели этот термин именно в контексте предвыборных американских дискуссий – и он оказался достаточно убедительным и для реалистов-неоконсерваторов, и для либералов-демократов. А в конечном счете – выигрышным для Обамы и его администрации, предложившим самое приемлемое для избирателя сочетание *hard* и *soft*. Если взглянуть на концепцию Нае внимательнее, можно обнаружить связь термина *smart power* с так называемым «контекстуальным интеллектом». Последний рассматривается авторитетным исследователем лидерства в мировой политике как ключевое свойство успешного политического лидера, способного постоянно оставаться на гребне волны, изучать и чувствовать

политическую ситуацию [Nye, 2008, p. 86–91]. Поэтому термин генетически конъюнктурен.

Если трактовать конъюнктуру не просто как текущее изменение международной обстановки, а как проявление базовых мирополитических трендов, то время появления концепта *smart power* – это период крайней делегитимации американского мирового лидерства. В результате как в центре однополярного мира, так и в других центрах международного влияния появляются концепции обновления миропорядка и моделей лидерства в мировой политике.

Термин *smart power* введен Джозефом Наем в 2003 г. и означает оптимальное сочетание *soft* и *hard power*, «мягкой» и «жесткой» власти во внешней политике государства. Понимая под властью способность влиять на поведение других, чтобы добиваться желаемых результатов, Най выделяет три пути ее осуществления: принуждение, подкуп и привлекательность. Два первых подпадают под понятие жесткой мощи, тогда как привлекательность (притягательность культуры, ценностей и легитимность политики государства) – способ осуществления мягкой власти. Вводя термин *smart power*, Дж. Най указывал на недостаточность использования одного из этих двух базовых ресурсов отдельно от другого. Причем гарвардский профессор изначально акцентировал неэффективность одной лишь мягкой власти для противостояния вызовам и угрозам начала 2000-х годов. В дальнейшем речь, напротив, зашла о необходимости смягчения линии Дж. Буша-младшего на «войну с террором», которая в 2003 г., после начала операции в Ираке, стала приводить к серьезным военным потерям, экономическим убыткам и репутационным издержкам для Соединенных Штатов.

В 2006 г. американской фабрикой мысли под названием Центр стратегических и международных исследований была создана двухпартийная комиссия по *smart power*, которую возглавили бывший заместитель Госсекретаря США (2001–2005) Ричард Армитидж и Дж. Най. Отчет комиссии, опубликованный в 2007 г., содержал набор рекомендаций относительно того, каким образом следующий президент США, вне зависимости от партийной принадлежности, сможет реализовать стратегию *smart power*.

Соединенные Штаты, по мнению чиновника-республиканца и ученого-демократа, «могут стать более разумной силой, инвестируя в глобальное общее благо – предоставляя то, в чем народы и

правительства во всех частях света испытывают потребность, но не могут добиться без американского лидерства» [CSIS Commission on Smart Power, 2007, p. 1]. В особенности США рекомендуется сосредоточиться на пяти критически значимых сферах:

- 1) альянсы, партнерство и институты;
- 2) глобальное развитие;
- 3) публичная дипломатия;
- 4) экономическая интеграция;
- 5) технологии и инновации.

Доклад комиссии знаменует собой переход идеи разумной власти из академической плоскости в плоскость практической политики. Поэтому в документе представлен анализ не только концептуальных, но и институционально-политических аспектов этой «большой идеи». Сопредседатели комиссии обращают внимание на недостаточное финансирование американской дипломатии и программ международного содействия по сравнению с оборонными и военными расходами. Кроме того, отмечается разобщенность и нескоординированность американской внешней политики, создающие препятствия для стратегического планирования.

В 2007 г. новый интеллектуально-политический тренд получает продолжение в предвыборной кампании Б. Обамы. После избрания Б. Обамы и в период формирования его администрации рассматриваемое словосочетание начинает использоваться в официальном политическом дискурсе. На Мюнхенской конференции по безопасности 2009 г. риторику *smart power* использует вице-президент США Джозеф Байден, делая особый акцент на партнерстве и формировании альянсов.

Безусловно, партнерство и альянсы, или, говоря реалистским языком, баланс сил и ключевые коалиции – важнейший контекст реализации разумной силы США, так как любая сила адекватно оценивается только с точки зрения соотношения с другими силами. Надо отметить, что американская стратегия *smart power* имеет возможной импликацией формирование «умного баланса сил» – конструируемой, управляемой полярности. В основе стратегии – пролонгация однополярного момента. На протяжении всего пост-биполярного периода конструировались искусственные полюса – ось зла, мировой терроризм – борьба с которым делала существование однополярного мира более осмысленным. Сейчас, по всей

видимости, устанавливается более сложная система балансов, которая может включать сразу несколько биполярностей (США – Китай в экономической области, США – РФ в области военной безопасности и США – ЕС в области социокультурной и информационной), под эгидой ряда новых и традиционных международных организаций и многосторонних форматов, включая «большую двадцатку» и реформированную ООН. «Умная» система баланса сил может представлять собой достаточно устойчивую структуру, которая подпадает, в принципе, под определение «многополярный мир», однако функционирует по принципиально иной логике при сохраняющемся лидерстве (системном администрировании) США и понимании значительных, но функционально ограниченных возможностей каждой из держав. На сегодняшний день администрации Обамы, по крайней мере на уровне публичной мировой политики, адресованы более смелые ожидания, чем это предполагается логикой *smart power*. Как уже отмечалось, *smart power* отнюдь не означает смягчения внешнеполитической линии США по всем направлениям – более того, в ряде вопросов Белый дом готов выступать жестче, чем прежде. Поэтому иногда державы-контрагенты склонны реагировать на кажущуюся непоследовательность Вашингтона в классической логике баланса сил, например, как в случае с Россией, асимметричным контрбалансированием.

Условием установления «умного» баланса является встречная готовность других важнейших акторов. Как уже отмечалось выше, ряд основных игроков современной мировой политики конструктивно используют и развивают идею разумной власти.

КНР, как считают некоторые исследователи, обладает приоритетом в разработке и реализации этой идеи в мирополитической практике. Китайский опыт мудрой власти и внешней политики возводится к стратегемам Лао Цзы и учению Конфуция. В современный период он связывается с семью принципами Дэн Сяопина, первый из которых требует «рассматривать и анализировать события разумно», а остальные сводятся к долгосрочной и стратегически выверенной борьбе за удержание позиций и достижения в мировой политике и экономике в сочетании со скромностью в собственном позиционировании. Рассматриваемая в статье идея находит отражение и в принятой китайским руководством «научной концепции развития». Комиссия Ная–Армитиджа отмечает

особую роль Китая в американском проекте разумной власти и достижения КНР в проецировании своего конструктивного потенциала в Азии, Африке, Латинской Америке. Усматриваются, однако, и пробелы в китайской инфраструктуре *smart power* – это внутренние политические, социально-экономические и экологические проблемы. Однако, принимая во внимание модель «Пекинского консенсуса», даже эти недостатки обращаются в достоинство, так как китайский опыт кажется более реализуемым в условиях развивающихся стран и, соответственно, более притягательным для них.

Smart power в европейских интерпретациях также напрямую связывается с притягательностью ЕС как образца. Предложенное Д. Милибандом обозначение ЕС как образцовой державы (*model power*) концентрирует внимание на привлекательности европейской модели, прежде всего для соседствующих с ЕС стран [Miliband, 2007]. Кроме того, успешный опыт использования инструментов мягкой власти Европейским союзом, государствами – лидерами евроинтеграции, рядом общеевропейских структур позволяет Европе также заявлять о приоритете в разработке новых технологий мирополитического влияния. Существенной проблемой Европы в этом направлении остается дефицит координации внешней, а также оборонной политики, который пока не преодолен и после первых шагов лиссабонской реформы. Европейцы рассматривают американскую стратегию *smart power* как исторический шанс интегрировать американские военные возможности и европейский невоенный инструментарий влияния на равных основаниях, тогда как в США более склонны развивать собственные «гражданские силы», а от ЕС – продолжать требовать полного военного соучастия.

Российская «умная политика» основывается на сдержанном оптимизме относительно военных возможностей российских вооруженных сил в сочетании с заявленной концепцией модернизационного (инновационного) развития страны. Отечественному концепту присущ и известный критический пафос, обличающий идеологизированность мирополитической линии и США, и ЕС. Касающиеся РФ американские инициативы в русле *smart power* вызывают настороженность, а в проявлениях, касающихся усиления жестких составляющих влияния, – желание сформулировать асимметричный ответ. Достаточно остро российская дипломатия

реагирует на «образцовость» и лекторский запал европейских партнеров. По сути, Россия в новом веке отказывается от конкуренции в области генерации ценностей и идей, которые могут стать смыслообразующими для мирового развития. Такого рода деидеологизация объяснима логикой новейшей истории и адекватна в обществе, основанном на знании. Однако даже такое объяснение надо сформулировать и презентовать мировому сообществу, которое, конечно, не может убедить и тем более привлечь голый прагматизм «энергетической сверхдержавы».

Для современного идейного информационно-интеллектуального оснащения российской мирополитической линии есть исторические основания и фактически имеющиеся в наличии ресурсы. Можно говорить о достаточно глубокой традиции сбалансированного, «просвещенного» применения силы как минимум с XVIII столетия, не говоря о дипломатическом опыте периода биполярности. В активе России – устойчивая, хотя, возможно, вынужденная приверженность многостороннему подходу в международных отношениях, не нарушаемая с середины 90-х годов прошлого века. Также могут быть капитализированы и конвертированы в инновационные направления научно-образовательный, интеллектуальный потенциалы российского общества. Имеются ресурсы для содействия развитию на постсоветском пространстве и реализации выгодных интеграционных проектов. В последние годы динамично развивался инструментарий мягкого влияния – поддержка русского языка и культуры, расширение российского присутствия в мировом информационном пространстве.

Возвращаясь в заключение к трудностям перевода, осмыслим вторую часть рассматриваемого словосочетания. Дело, однако, не в выборе более приемлемого варианта из ряда «мощь, сила, власть, влияние», а в том, что *power* понимается также как субъект власти или влияния, носитель мощи, обладатель силы – держава. Таким образом, попытки определить понятие *smart power* каждого из ведущих акторов означают стремление закрепить за собой статус «умной державы», «властителя дум».

Этот семантический оборот заставляет обратить внимание на информационно-интеллектуальную составляющую мирополитического влияния. Надо отметить, что в популяризации самого концепта *smart power* значительную роль сыграли аналитические цен-

тры, фабрики мысли, интеллектуальные блоги. В целом появление термина оформляет отмеченный политологами-международниками в последнее десятилетие тренд повышения роли «информационно-интеллектуального управления», «управления рефлексией» в мировой политике. *Smart power* – это также скорость обработки информации, коммуникативная мобильность, способность вести информационную войну и политические кампании в мировых СМИ – новых и традиционных.

Еще одно универсальное значение концепта – инновационный потенциал. При всех субъективных различиях общим посылом версий «умной власти» представляется предполагаемая способность государства генерировать новые идеи, технологии и институты. Например, для всех игроков, хотя и с разных сторон, является насущной идея «умной энергии», энергоэффективности, развития информационных технологий.

Таким образом, *smart power* – это комплексная модель современного мирового лидерства, включающая в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность, инновационность, способность продуктивно управлять международным развитием и решать глобальные проблемы. С практической точки зрения *smart power* – конвергентный комплекс стратегий легитимации мирового лидерства, основанного на модельности, многосторонности и инновационности, соуправлении мировым развитием и глобальной повесткой дня. Потенциальное системное значение реализации этого комплекса стратегий – формирование «умного баланса сил», т.е. управляемой системы мирового развития.

Литература

- Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: Smart power? // Полис. – М., 2009. – № 4 – С. 173–178.
- Чихарев И.А. Многомерность мировой политики: К современным дискуссиям // Полис. – М., 2005. – № 1 – С. 161–172.
- CSIS Commission on Smart Power: A smarter, more secure America / R.L. Armitage, J.S. Nye; CSIS Commission on Smart Power, Center for Strategic and International Studies. – Washington, D.C.: CSIS, 2007. – 82 p.

- Dark K.R.* The waves of time: Long-term change in international relations. – L.: Pinter, 1998. – 284 p.
- Holden B.* Defining global change // The ethical dimension of global change / Holden B. (ed.). – N.Y.: St. Martin's Press, 1996. – P. 18–43.
- Miliband D.* Europe 2030: Model power not superpower: Speech to the College of Europe, Bruges, 15 November 2007. – Mode of access: <http://www.brugesgroup.com/MilibandBrugesSpeech.pdf> (Дата посещения: 06.08.2012.)
- Nye J.* The Powers to Lead. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 226 p.
- Rehn O.* Europe's smart power in its region and the world: Speech at the European Studies Centre, St. Antony's College, University of Oxford, 1 May 2008. – Mode of access: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/08/222> (Дата посещения: 29.07.2012.)
- Rosenau J.* Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. – Princeton: Princeton univ. press, 1990. – 480 p.
- Wohlforth W.* The elusive balance: Power and perceptions during the Cold War. – Ithaca: Cornell univ. press, 1993. – 317 p.